

АЙЗЕК АЗИМОВ

фантастическое
путешествие

Айзек Азимов
Соберемся вместе
[Давайте объединимся]
Серия «Рассказы о роботах»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157957

Фантастическое путешествие: Советская Кубань; 1993

ISBN 5-7221-0007-2

Оригинал: Isaac Asimov, "Let's Get Together"

Перевод:

Я. Монстров

Аннотация

В америке чрезвычайная ситуация. Оказывается, что Россия уже давно обогнала их на несколько лет в развитии роботехники и уже смогла создать несколько роботов андроидного типа. Эти роботы уже пересекли границу с Америкой и готовятся нанести удар, который покончит с многовековым противостоянием...

Айзек Азимов

Соберемся вместе

Мир длился сто лет, и люди забыли, что может быть по-другому. И не знали, как действовать, обнаружив, что началось что-то вроде войны.

И, конечно, Илиас Линн, глава бюро роботики, не знал, как ему реагировать, когда он услышал об этом. Главное управление бюро роботики размещалось в Шайенне, в соответствии с тенденцией к децентрализации, и Линн недоверчиво смотрел на молодого офицера службы безопасности из Вашингтона, сообщившего ему эту новость.

Илиас Линн – рослый мужчина, внешне очень простой, с бледно-голубыми, слегка выпуклыми глазами. Под взглядом этих глаз люди обычно начинали ежиться, но офицер службы безопасности оставался спокоен.

Линн решил, что его первой реакцией должно быть недоверие. Дьявол, и ведь на самом деле невероятно! Он просто не может в это поверить!

Он откинулся в кресле и сказал:

– Насколько достоверна эта информация?

Офицер, представившийся как Ральф Дж. Брекенридж и предъявивший соответствующее удостоверение, сохранил юношескую мягкость: полные губы, пухлые щеки, которые легко покрывались краской, невинные глаза. Одежда его не

соответствовала стилю Шайенна, но была обычной для Вашингтона с его кондиционерами; а именно в Вашингтоне, несмотря на децентрализацию, размещалась служба безопасности.

Брекенридж вспыхнул и ответил:

– Она абсолютно достоверна.

– Ну, вы все о Них знаете, вероятно, – сказал Линн, не в силах скрыть сарказм в голосе. Он сознавал, что подчеркивает местоимение, относящееся к врагу: в письменной форме это соответствовало бы заглавной букве. Таково обыкновенное этого поколения и предшествовавшего ему. Никто не говорил больше «восток», или «красные», или «Советы», или «русские». Это приводило бы к недоразумениям, потому что Они не все были на востоке, не все были красными или Советами и особенно русскими. Гораздо проще говорить Мы и Они, и гораздо точнее.

Путешественники часто сообщали, что у Них то же самое. Там Они это «Мы» (на соответствующем языке), и Мы обозначаемся как «Они».

Вряд ли кто-нибудь еще размышлял об этом. Все очень удобно и привычно. Даже ненависть исчезла. Вначале это состояние называлось холодной войной. Теперь всего лишь игра, почти добродушная, с неписаными правилами и ореолом приличия.

Линн резко спросил:

– Зачем Им нарушать равновесие?

Он встал и остановился у настенной карты мира, окрашенной в два цвета. В левой части карты основная краска – светло-зеленая. И небольшие неправильные участки розового цвета. Мы и Они.

За сто лет карта почти не меняется. Последними значительными территориальными изменениями были утрата Тайваня и приобретение Восточной Германии около восьмидесяти лет назад.

Но было другое изменение, и очень значительное. Изменение расцветки. Два поколения назад Их территория окрашивалась грозным кроваво-красным цветом, Наша – чистая незапятнанная белизна. Теперь же даже цвета стали нейтральными. Линн видел Их карты, там то же самое.

– Они этого не сделают, – сказал он.

– Уже делают, – ответил Брекенридж, – и вам лучше принять этот факт. Конечно, сэр, я понимаю: вам неприятно думать, что Они впереди Нас в роботике.

Глаза его, как и прежде, оставались невинны, но слова причинили боль, и Линн вздрогнул.

Конечно, понятно, почему глава бюро роботики узнает в последнюю очередь и от офицера службы безопасности. Во мнении правительства он упал; если есть действительно отставание в области роботики, Линну не стоит рассчитывать на милосердие со стороны политиков.

Линн устало сказал:

– Даже если ваши слова справедливы, Они не могут уйти

далеко от Нас. Мы умеем создавать гуманоидных роботов.

– Правда, сэр?

– Да. Кстати, мы уже построили несколько экспериментальных образцов.

– А Они сделали это десять лет назад. С тех пор Они ушли вперед на десять лет.

Линн был обеспокоен. Неужели это просто результат уязвленной гордости и страха за свою репутацию? Такая возможность смущала его, и все же он вынужден защищаться.

Он сказал:

– Послушайте, молодой человек, равновесие между Нами и Ими никогда не было совершенным во всех деталях. В том или ином вопросе то Они, то Мы все время вырывались вперед. Если Они опередили Нас в роботике, значит, приложили к ней больше усилий, чем Мы. А это означает, что в какой-то другой области Мы прикладывали больше усилий и вырывались вперед. Может быть, в исследованиях силовых полей или гиператомике.

Собственное утверждение о несовершенстве равновесия расстроило Линна. Это справедливо, но в этом скрывается и величайшая опасность для мира. Мир зависит от того, насколько совершенно равновесие. Если небольшие нарушения равновесия, которые существовали всегда, слишком вырастут в том или другом направлении...

Почти с самого начала холодной войны обе стороны создали термоядерное оружие, и война стала немислимой. Со-

ревнование из военной области перешло в экономическую и психологическую и таким и оставалось все время.

Но всегда стороны пытались нарушить равновесие, парировать достижение соперников, самим добиться такого, что невозможно отразить, – пытались придумать что-нибудь такое, что снова сделало бы возможной войну. И не потому что стороны так хотели войны, но потому что каждая боялась, что противоположная сторона сделает открытие первой.

В течение ста лет шла эта борьба на равных. И уже сто лет сохраняется мир, а как побочный продукт интенсивных исследований возникли силовые поля, использование солнечной энергии, контроль за насекомыми и роботы. Обе стороны делали первые шаги в постижении менталики – так была названа наука о физикохимической и биопсихической природе мысли. Каждая сторона имела станции на Луне и Марсе. Человечество на принудительной тяге огромными шагами шло вперед.

Для обеих сторон было необходимо сохранять приличия и человечность, вопреки жестокостям и тирании.

Не может быть, чтобы равновесие нарушилось и началась война.

Линн сказал:

– Я хочу посоветоваться с одним из моих людей. Хочу знать его мнение.

– Ему можно доверять?

Линн с отвращением взглянул на него.

– Боже, все наши люди проверены и просвечены до смерти вашей службой! Да, я ручаюсь за него. Если нельзя доверять такому человеку, как Хэмфри Карл Ласло, значит мы вообще не сможем ничего противопоставить их удару.

– Я слышал о Ласло, – заметил Брекенридж.

– Он подходит?

– Да.

– Хорошо. Пригласим его и узнаем, что он думает о возможности вторжения роботов в США.

– Не совсем так, – негромко возразил Брекенридж. – Вы все еще не восприняли всю правду. Узнаем, что он думает об уже осуществленном вторжении роботов в США.

Ласло – внук венгра, прорвавшегося сквозь так называемый железный занавес, он всегда чувствует себя вне подозрений. У него плотное телосложение, лысина и постоянное сварливое выражение на лице с курносом носом. Но произношение у него гарвардское, и говорит он обычно излишне вкрадчиво.

Для Линна, который после многих лет административной работы понимал, что отстал от науки, Ласло был удобным источником различных познаний. В присутствии этого человека Линн почувствовал себя увереннее.

– Ну, что вы думаете? – спросил Линн.

Лицо Ласло исказила яростная гримаса.

– Они далеко опередили Нас? Абсолютно невозможно.

Это означало бы, что Они создают гуманоидов, неотличимых от человека на близком расстоянии. Это означало бы значительный прогресс в робоменталике.

– Вы заинтересованы лично, – холодно заметил Брекенридж. – Оставляя в стороне профессиональную гордость, почему вы считаете невозможным, чтобы Они опередили Нас?

Ласло пожал плечами.

– Уверяю вас, я хорошо знаю Их литературу по роботике. И примерно представляю себе, где Они находятся.

– Вернее, как Они хотят, чтобы вы представляли себе это, – поправил Брекенридж. – Вы когда-нибудь бывали на той стороне?

– Нет, – коротко ответил Ласло.

– А вы, доктор Линн?

– Тоже нет.

Брекенридж спросил:

– За последние двадцать пять лет кто-нибудь из специалистов по роботике приезжал с той стороны? – Вопрос он задавал уверенно. Знал ответ.

На несколько секунд повисло тяжелое молчание. Лицо Ласло приняло беспоконное выражение. Он сказал:

– Кстати, Они уже давно не проводят конференции по роботике.

– Двадцать пять лет, – сказал Брекенридж. – Разве не интересно?

– Возможно, – неохотно согласился Ласло. – Но меня беспокоит кое-что еще. Никто из Них не приезжал на Наши конференции по роботике. Не могу припомнить ни одного случая.

– Их приглашали? – спросил Брекенридж.

Линн, удивленный и встревоженный, вмешался:

– Конечно.

Брекенридж спросил:

– А от других конференций, которые Мы проводим, Они тоже отказываются?

– Не знаю, – ответил Ласло. Теперь он расхаживал по кабинету. – Ничего такого не слышал. А вы, шеф?

– Нет, – сказал Линн.

Брекенридж заметил:

– Похоже, Они не хотят отвечать на такие приглашения. Или боятся, что кто-нибудь из Их людей скажет слишком много.

Да, кажется, так. Линн с ощущением беспомощности почувствовал, что сведения службы безопасности все же истинны.

Чем иным объяснить прекращение всех контактов в области роботики? Многие годы, начиная со времен Эйзенхауэра и Хрущева, существовал двусторонний плодотворный обмен исследованиями. Для этого было множество оснований: честное признание сверхнационального характера науки; стремление к дружбе, которое невозможно уничтожить

у всех людей; стремление сопоставить свой слегка застоявшийся взгляд с другим, более свежим взглядом со стороны.

Правительства были заинтересованы в этом. Всегда считалось, что, узнавая как можно больше и говоря как можно меньше, есть возможность получить преимущество.

Но не в роботике. Не в этой области.

Из таких небольших сопоставлений складывается убежденность. Ведь все это они знали. Линн мрачно подумал: «Мы были слишком самодовольны».

Поскольку противоположная сторона ничего внешне не делала в области роботики, так приятно было самодовольно верить в свое преимущество. Почему ему не пришло в голову, что противоположная сторона получила козырные карты и ждет только удобного случая?

Ласло потрясенно спросил:

– Что же нам делать? – Очевидно, ему пришли в голову те же мысли.

– Делать? – повторил Линн. Трудно размышлять, когда охватывает ужас. Ужас при мысли, что где-то в Соединенных Штатах находятся десять гуманоидных роботов, и у каждого часть бомбы ПП.

ПП! Самый большой ужас атомной эры. ПП! Полное превращение вещества! Солнце больше не подходящий синоним. Полное превращение вещества делает солнце дешевой свечкой.

Десять гуманоидов, в отдельности каждый абсолютно без-

вреден, но, собравшись вместе, они создают критическую массу и...

Линн тяжело встал, темные мешки под глазами, обычно придававшие его лицу выражение тяжелого предчувствия, стали еще заметнее.

– Нам нужно разработать метод отличения гуманоидов от людей, а потом отыскать этих гуманоидов.

– Как быстро? – спросил Ласло.

– Не позже чем за пять минут до того, как они соберутся вместе, – ответил Линн, – а я не знаю, когда это будет.

Брекенридж кивнул.

– Я рад, что вы теперь с нами, сэр. Я отвезу вас в Вашингтон на совещание.

Линн приподнял брови.

– Хорошо.

Он подумал, что если бы сомневался еще какое-то время, его просто сменили бы. Может, уже сейчас новый глава бюро роботики проводит совещания в Вашингтоне. И ему вдруг искренне захотелось, чтобы так и было.

Присутствовали первый помощник президента, министр по делам науки, начальник службы безопасности, сам Линн и Брекенридж. Впятером сидели они за столом в подzemелье одной из крепостей вблизи Вашингтона.

Помощник президента Джеффрис, внушительный человек, красивый красотой белоснежной шевелюры и впечатля-

ющих челюстей, надежный, умный, ненавязчивый и вежливый, как и подобает помощнику президента.

Он резко сказал:

– Насколько я понимаю, перед нами три вопроса. Первое. Когда эти гуманоиды соберутся? Второе. Где они соберутся? И третье. Как нам помешать им собраться?

Министр науки Эмберли кивнул. До своего назначения он был деканом инженерного факультета Северо-Западного университета. Это худой человек с острыми чертами лица. Указательным пальцем он медленно чертил на столе круги.

– Относительно того, когда они соберутся, – заметил он, – я считаю, что это будет еще не сейчас.

– Почему? – спросил Линн.

– Они уже не меньше месяца в Штатах. Так утверждает служба безопасности.

Линн автоматически взглянул на Брекенриджа, и начальник службы безопасности Макалистер перехватил этот взгляд. Макалистер сказал:

– Информация надежная. Пусть Брекенридж не кажется вам слишком юным, Линн. Поэтому в частности он для нас и ценен. На самом деле ему тридцать четыре года, и он уже десять лет у нас на службе. Он почти год провел в Москве, и без него эта ужасная опасность так и не стала бы нам известна. А благодаря ему мы все знаем в подробностях.

– Но не в самых важных, – заметил Линн.

Макалистер холодно улыбнулся. Публике были хорошо

известны его тяжелый подбородок и близко посаженные глаза, но больше почти ничего. Он сказал:

– В конечном счете мы все всего лишь люди, доктор Линн. Агент Брекенридж проделал отличную работу.

Вмешался помощник президента Джеффрис.

– Допустим, у нас имеется некоторое время. Если бы были необходимы немедленные действия, они бы уже были предприняты. Похоже, они ждут какого-то определенного срока. Если мы узнаем место, может, станет очевидным и время.

– Если они собираются использовать ПП, то захотят причинить нам максимальный ущерб. Кажется, целью будет большой город. Во всяком случае большой мегаполис – единственная достойная бомбы ПП цель. Мне кажется, у нас четыре возможности: Вашингтон, административный центр; Нью-Йорк, финансовый центр; Детройт и Питсбург как главные промышленные центры.

Макалистер сказал:

– Я за Нью-Йорк. Администрация и промышленность децентрализованы, и уничтожение одного города не помешает нанести ответный удар.

– Тогда почему же Нью-Йорк? – спросил министр науки Эмберли, может, чуть резче, чем намеревался. – Финансы тоже децентрализованы.

– Вопрос морали. Может быть, они хотят уничтожить нашу волю к сопротивлению, заставить сдаться после ужаса первого удара. Больше всего людей погибнет в Нью-Йорке...

– Очень хладнокровно, – прошептал Линн.

– Да, – согласился Макалистер, – но они способны на это, если считают, что один удар может принести им победу. А разве мы...

Помощник президента Джеффрис пригладил свои бело-снежные волосы.

– Будем готовиться к худшему. Предположим, что в течение зимы Нью-Йорк будет уничтожен, возможно, сразу после сильной бури, когда прерывается связь и службы жизнеобеспечения соседних районов пострадают больше всего. Как же нам их остановить?

Эмберли смог только ответить:

– Найти десять человек среди двухсот двадцати миллионов все равно что очень маленькую иглу в очень большом стогу сена.

Джеффрис покачал головой.

– Вы неточно выразились. Десять гуманоидов среди двухсот двадцати миллионов человек.

– Какая разница? – возразил Эмберли. – Мы не знаем, чем внешне гуманоид отличается от человека. Может, совсем не отличается. – Он взглянул на Линна. Все смотрели на него.

Линн тяжело сказал:

– Мы в Шайенне не смогли сделать гуманоида, который при дневном свете не отличался бы от человека.

– А Они смогли, – ответил Макалистер, – и не только физически. Мы в этом уверены. Они настолько продвинулись,

что могут считывать микроэлектронный рисунок мозга и переносить его на позитронный мозг робота.

Линн пораженно смотрел на него.

– Вы хотите сказать, что они могут создать точную копию человека, включая его образ мыслей и воспоминания?

– Да.

– Какого-нибудь конкретного человека?

– Верно.

– Это тоже установил агент Брекенридж?

– Да. Данные неоспоримы.

Линн на мгновение задумался. Потом сказал:

– Десять человек в Штатах не люди, а гуманоиды. Но для них нужны оригиналы. Людьми Востока они не могут быть, их легко заподозрить, значит они должны быть с Запада. Как иначе могли бы они попасть к нам? Радарная сеть по обе стороны границы непроходима. Как иначе им направить к нам индивидуума, человека или гуманоида, так чтобы мы не знали?

Макалистер ответил:

– Это возможно. Есть и законный проезд через границу. Бизнесмены, летчики, даже туристы. За ними, конечно, наблюдают с обеих сторон. И тем не менее десять человек были похищены и использованы как модели для гуманоидов. Вместо них вернулись гуманоиды. Мы не ожидали подмены, и они благополучно прошли. А если они американцы, то без всякого труда попадают к нам. Очень просто.

– И даже друзья и семьи не заметили разницы?

– По-видимому. Поверьте, мы просмотрели все источники в поисках сообщений о внезапной амнезии или странном изменении личности. Проверили тысячи случаев.

Эмберли смотрел на кончики пальцев.

– Мне кажется, обычные меры не сработают. Решение должно исходить из бюро роботики, и я полагаюсь на главу этого бюро.

И все в ожидании посмотрели на Линна.

Линн чувствовал, как в нем поднимается горечь. Ему казалось, что именно для этого и собирали совещание. Все сказанное на нем было сказано и раньше. Он уверен в этом. Не было решения проблемы, не было сделано никаких предложений. Все делалось для записи, для протокола, эти люди смертельно боятся и хотят, чтобы вся ответственность легла на кого-нибудь другого.

И тем не менее это справедливо. Именно в роботике Мы отстали. А Линн не просто Линн. Он глава бюро роботики и несет за него ответственность.

Он сказал:

– Я сделаю, что смогу.

Он провел бессонную ночь, и напряжение, физическое и духовное, давало себя знать, когда на следующее утро он снова попросил встречи с помощником президента Джеффрисом. Присутствовал и Брекенридж, и хотя Линн предпочел

бы беседу с глазу на глаз, он понимал оправданность этого. Очевидно, Брекенридж приобрел большое влияние в правительстве в результате своей успешной работы в безопасности. И почему бы и нет?

Линн сказал:

– Сэр, я рассматриваю возможность, что мы поддались на вражеский обман.

– Каким образом?

– Я уверен, что хотя временами публика становится нетерпеливой, хотя законодатели иногда считают целесообразным разглагольствовать, наше правительство сознает благотворность равновесия. И Они тоже это сознают. Десять гуманоидов с одной бомбой – слишком тривиальный способ нарушить равновесие.

– Гибель пятнадцати миллионов человек вряд ли можно назвать тривиальной.

– Но это не настолько деморализует нас, чтобы мы сдались, не настолько нам поверит, чтобы мы не могли сопротивляться. И начнется та самая смертоносная всепланетная война, которой обе стороны успешно до сих пор избегали. Они заставят нас бороться изо всех сил минус один город. Но этого недостаточно.

– И что же вы предполагаете? – холодно спросил Джеффрис. – Что Они не заслали десять гуманоидов к нам в страну? Что не будет взрыва бомбы ПП, когда они соберутся вместе?

– Я признаю, что они здесь, но, может, по другой причине.

– По какой же?

– Возможно, физические разрушения, которые возникнут в результате встречи десяти гуманоидов, не самое страшное, что нас ожидает. Последует моральное и интеллектуальное разложение. Со всем уважением к агенту Брекенриджу, а может, Они хотели, чтобы Мы узнали о гуманоидах? Что если гуманоиды и не должны собираться вместе, просто это для нас повод беспокоиться?

– Зачем?

– Ответьте мне. Какие меры уже были приняты? Вероятно, служба безопасности проверяет дела всех, кто когда-либо пересекал границу или был к ней достаточно близок для похищения. Макалистер вчера упоминал, что проверяются случаи болезней. Что еще?

Джеффрис ответил:

– В ключевых местах больших городов устанавливаются маленькие приборы с X-лучами. Например, на стадионах...

– Где десять гуманоидов среди сотен тысяч зрителей могут проникнуть на футбол или на матч по воздушному поло?

– Совершенно верно.

– А концертные залы и церкви?

– Нужно с чего-то начать. Мы не можем все сразу.

– Особенно, если нужно избежать паники, – сказал Линн. – Разве не так? Публика не должна сознавать, что в какой-то непредсказуемый момент неизвестно какой город со всеми своими обитателями вдруг перестанет существовать.

– Это очевидно. К чему вы ведете?

Линн напряженно сказал:

– Все большая часть усилий нации будет направляться на решение проблемы, которую Эмберли назвал поисками очень маленькой иглы в очень большом стогу. Мы будем изо всех сил гнаться за своим хвостом, а они тем временем достигнут в своих разработках такого пункта, когда мы уже не сможем их догнать; и тогда нам придется сдаться, мы даже пальцами щелкнуть, чтобы отомстить, не сможем.

– Предположим далее, что все больше и больше людей будут вовлечены в это дело. Новость неизбежно просочится, люди начнут понимать, что происходит. Что тогда? Паника принесет больше вреда, чем бомба ПП.

Помощник президента раздраженно спросил:

– Во имя неба, что вы тогда предлагаете делать?

– Ничего, – ответил Линн. – Признаем, что они блефуют. Будем жить как прежде и надеяться, что Они не рискнут нарушить равновесие ради одной бомбы.

– Невозможно! – сказал Джеффрис. – Совершенно невозможно. Благополучие всех Нас в основном в моих руках, и я не могу ничего не делать. Я согласен с вами, что X-приборы на стадионах неэффективная мера, но это нужно сделать хотя бы для того, чтобы впоследствии люди не подумали, что мы ничего не предпринимали. Наш контрудар будет достаточно активным.

– Каким образом?

Помощник президента Джеффрис взглянул на Брекенриджа. Молодой офицер безопасности, до того молчавший, сказал:

– Бесплезно говорить о возможном нарушении равновесия в будущем. Оно уже нарушено. Неважно, взорвутся ли эти гуманоиды или нет. Может, это всего лишь приманка, как вы говорите. Но остается фактом, что мы на четверть столетия отстали в роботике, и это может стать фатальным. Какие еще открытия в роботике удивят нас, если начнется война? Единственный ответный ход – немедленно вложить все усилия нации в ускоренную программу развития роботики, и первая проблема – отыскать гуманоидов. Назовите это упражнением в роботике, если хотите, или предотвращением гибели пятнадцати миллионов человек: мужчин, женщин, детей.

Линн беспомощно покачал головой.

– Нельзя. Вы играете Им на руку. Они хотят заманить нас в тупик, а сами смогут свободно развивать другие направления.

Джеффрис нетерпеливо сказал:

– Это всего лишь ваше предположение. Брекенридж внес предложение, правительство его одобрило, и мы уже начали подготовку конференции представителей всех наук.

– Всех наук?

Брекенридж объяснил:

– Мы определили всех наиболее известных ученых во

всех областях естественных наук. Все они съедутся в Шайенн. В повестке будет только один пункт: как развивать робототехнику. Основной подзаголовок: создание приемника электромагнитного излучения коры головного мозга, который сможет различать протоплазматический мозг человека и электронный мозг робота.

Джеффрис сказал:

– Мы надеемся, что вы возглавите подготовку к этой конференции.

– Со мной не посоветовались.

– Очевидно, не было времени, сэр. Вы согласны возглавить ее?

Линн слегка улыбнулся. Опять вопрос об ответственности. Ответственность будет нести глава бюро робототехники Линн. Но он чувствовал, что на самом деле всем будет руководить Брекенридж. Что же ему желать?

Он сказал:

– Я согласен.

Брекенридж и Линн вместе вернулись в Шайенн, и в тот же вечер Ласло с мрачным недоверием слушал рассказ Линна.

Ласло сказал:

– Пока вы отсутствовали, шеф, я начал тестирование пяти экспериментальных моделей гуманоидов. Наши люди работают по двенадцать часов в три перекрывающиеся друг друга

смены. Если предстоит конференция, тут все будет переполнено, да и бюрократы все задержат. Работы прекратятся.

Брекенридж ответил:

– Это только временно. Вы приобретете больше, чем потеряете.

Ласло нахмурился.

– Толпа астрофизиков и геохимиков не очень поможет нам в роботике.

– Взгляд специалиста из другой области может оказаться полезным.

– Вы уверены? Откуда мы знаем, что можно принимать электромагнитное излучение мозга? А если и можно, то есть ли отличия излучения мозга человека от мозга гуманоида? Кто инициатор этого проекта?

– Я, – сказал Брекенридж.

– Вы? Вы специалист в роботике?

Молодой агент службы безопасности спокойно ответил:

– Я изучал роботiku.

– Это не одно и то же.

– У меня был доступ к документам русских о роботике – на русском языке. Совершенно секретные материалы, намного превосходящие ваши исследования.

Линн печально сказал:

– Тут он прав, Ласло.

– На основании этих материалов, – продолжал Брекенридж, – я и предложил именно такое направление рабо-

ты. Очевидно, нельзя абсолютно точно наложить запись человеческого мозга на позитронный. Самый сложный позитронный мозг, который достаточно мал, чтобы поместиться в черепной коробке человека, в сотни раз проще человеческого. Он не может усвоить все обертоны, и этим необходимо воспользоваться.

На Ласло это произвело впечатление, и Линн мрачно улыбнулся. Легко отвергать самого Брекенриджа и толпу из нескольких сотен ученых, но проблема сама по себе заманчивая. По крайней мере можно утешаться хоть этим.

Мысль возникла незаметно.

Линн обнаружил, что ему нечего делать. Только сидеть в кабинете, потому что его руководство стало номинальным. Может, это и помогло. У него появилось время думать, представить себе, как выдающиеся ученые половины мира собираются в Шайенне.

Всей подготовкой с холодной эффективностью руководил Брекенридж. Он уверенно говорил:

– Соберемся вместе и победим Их.

Соберемся вместе.

Мысль пришла неожиданно, и если бы кто-нибудь в это время смотрел на Линна, то увидел бы, как он дважды мигнул. Но больше ничего.

Он продолжал действовать с холодной отстраненностью, которая помогала ему сохранить спокойствие, когда по всем

основаниям он должен был бы сходить с ума.

Он разыскал Брекенриджа в его импровизированном кабинете. Брекенридж был один. Он нахмурился.

– Что-нибудь не так, сэр?

Линн устало ответил:

– Все в порядке. Я применил закон военного времени.

– Что?

– Как глава подразделения я имею право принимать любые необходимые меры. Я могу быть диктатором в своем подразделении. Одно из преимуществ децентрализации.

– Вы должны немедленно отменить это решение. – Брекенридж сделал шаг вперед. – Когда в Вашингтоне узнают об этом, с вами будет покончено.

– Со мной уже покончено. Думаете, я не понимаю, что мне предназначена роль величайшего негодяя Америки: человека, позволившего Им нарушить равновесие? Мне нечего терять – а приобрести я могу многое.

Он слегка истерически рассмеялся.

– Какая цель – бюро роботики, а, Брекенридж? Всего несколько сот человек будут убиты ПП бомбой, способной за одну микросекунду выжечь все живое в трехстах милях. Но среди этих людей наши величайшие ученые. Нам придется либо вести войну без лучших умов, либо сдаться. Я думаю, мы бы сдались.

– Но это невозможно! Линн, вы меня слышите? Понимаете? Как гуманоиды минуют нашу охрану? Как они соберут-

ся вместе?

– Но они уже собираются. И мы им в этом помогаем. Наши ученые посещали ту сторону, Брекенридж. Они регулярно навещают Их. Вы правильно заметили, что среди них не было только специалистов по роботике. Что ж, десять ученых и сейчас там, а вместо них в Шайенн собираются гуманоиды.

– Нелепое предположение.

– Мне оно кажется разумным, Брекенридж. Но оно не появилось бы, если бы мы не знали, что гуманоиды уже в Америке, и не созвали бы конференцию. Какое совпадение: вы сообщили о гуманоидах, вы предложили проведение конференции, вы предложили повестку, вы готовите шоу, вы точно знаете, какие именно ученые приглашены. Вы уверены, что включены все десять?

– Доктор Линн! – гневно воскликнул Брекенридж. Он сделал шаг вперед.

Линн сказал:

– Не шевелитесь. У меня бластер. Мы подождем, пока эти ученые не соберутся здесь один за другим. И всех просветим X-лучами. И измерим их радиоактивность. Без проверки ни один из них не встретится с другим, а когда все пятьсот будут проверены, я отдам свой бластер и сдамся вам. Но думаю, мы найдем этих гуманоидов. Садитесь, Брекенридж.

Они оба сели.

Линн сказал:

– Подождем. Когда я устану, меня сменит Ласло. Подо-

ждем.

Профессор Мануэль Хименес из буэнос-айресского Института высших исследований взорвался в самолете на высоте в три мили над долиной Амазонки. Простой химический взрыв, но погиб весь самолет.

Доктор Герман Лейбовиц из Массачузетского технологического взорвался в монорельсе, убив двадцать человек и ранив сотню. Аналогичным образом доктор Огюст Марин из Ядерного института Монреаля и семеро остальных погибли на пути в Шайенн.

Ласло, бледный, запинаящийся, влетел с новостью о взрывах. Прошло всего два часа, как Линн сидел перед Брекенриджем с бластером в руке.

Ласло сказал:

– Я думал, вы спятели, шеф, но вы оказались правы. Они гуманоиды. Иначе быть не может. – Он с ненавистью посмотрел на Брекенриджа. – Но их предупредили. Он их предупредил, и теперь только он остался. Некого изучать.

– Боже! – воскликнул Линн, торопливо прицелился и выстрелил. Шея Брекенриджа исчезла. Торс упал. Голова покатила по полу.

Линн простонал:

– Я не понимал. Считал его просто предателем.

Ласло стоял неподвижно, с раскрытым ртом, неспособный произнести звук.

Линн лихорадочно заговорил:

– Конечно, он предупредил их. Но как он мог это сделать сидя передо мной? У него встроенное радио. Понимаете? Брекенридж был в Москве. Настоящий Брекенридж все еще там. Боже, их было одиннадцать.

Ласло смог хрипло спросить:

– А почему он не взорвался?

– Вероятно, тянул время, чтобы убедиться, что остальные получили сообщение и самоуничтожились. Боже, Боже, когда вы сообщили новость и я все понял, мне казалось, я не успею выстрелить. Бог один знает, на сколько секунд я его опередил.

Ласло потрясенно сказал:

– По крайней мере у нас есть один для изучения. – Он наклонился и коснулся пальцами густой жидкости, которая вытекала из безголового тела.

Это была не кровь, а высококачественное машинное масло.